

Источник текста: Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80-90-х годов: В 2-х т.– М., Худож. лит., 1982. Т. 1. Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина. // FB2: "rvvg ", 20 February 2012, version 1.0
UUID: 24FD7307-F51D-4E55-A778-539A6713DF5A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иероним Иеронимович Ясинский

Гриша Горбачев

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0022
IV.....	.0038
V.....	.0042
VI.....	.0045
VII.....	.0053
VIII.....	.0058
IX.....	.0066
X.....	.0074

ГРИША ГОРБАЧЕВ

Э то было в июне 1868 года.

Гриша сидел в своей комнате, увешанной стеклянными ящиками с мотыльками, книжными полками, горкой с минералами и украшенной лошадиным черепом, и читал, при открытом окне, историю философии Льюиса[1].

Он недавно окончил гимназию, и ему хотелось поступить на естественный факультет. Гриша мечтал о славе натуралиста, презирал стихи, полагая, что он уж вышел из детского возраста, когда только и можно заниматься такими пустяками, и следил за внутренней политикой.

В семье Гришу считали умницей; мать советовалась с ним, что делать против зубной боли и ломоты в ногах; отец находил, что он чересчур предается чтению, и по временам спорил с сыном, чтоб убедиться, насколько Гриша образованнее его; сестры с благоговением посматривали на лошадиный череп, белая поверхность которого была вся расписана таинственными латинскими названиями,

вроде: os frontis, processus mastoideus [2] и проч.

Гриша был так серьезен, что не признавал танцев. Он смеялся даже над любовью. Последнее мать ставила ему в большую заслугу. Она хотела, чтоб из ее сына вышел профессор; отцу приятнее было бы, если бы Гриша стал со временем министром.

Гриша был высокий юноша с бледно-смуглым лицом и темными курчавыми волосами. Он слегка занимался своею наружностью, конечно, не для того, чтобы влюбить в себя Настеньку Тонкову или Верочку Звереву, но потому, что некоторая предумышленная растрепанность прически и некоторая живописная небрежность костюма придавали его внешности научный вид.

Пока Гриша читал Льюиса, все более проникаясь презрением к метафизике, в соседней комнате семнадцатилетняя сестра его, Катя, играла в четыре руки со своим женихом, Мишей Подгоровым. Потом она стала петь, а Миша подтягивал ей баском. День склонялся к вечеру.

Младшие члены семьи бегали на дворе пе-

ред окном натуралиста и, под предводительством стриженного под гребенку Александра, брали приступом, с криками "ура", погреб. Забравшись на ветхую крышу, там и сям обросшую зеленым мохом, Александр махал жестяною саблей и победоносно водружал в щели драничек черно-желтое знамя. Много раз брал он крепость, кричал, свирепел и тумакми водворял дисциплину среди войска.

В калитку вошел Ардальон Петрович Селезнев в щегольском сером пиджачке, в цилиндре и палевых перчатках. Ему уже было лет под сорок. Это был хозяин большого бакалейного магазина, образованный купец, искавший в общении с молодыми интеллигентными людьми пищи для ума. С Гришей он познакомился на охоте, проникся особенным уважением к его познаниям и ждал, что юноша разрешит ему какие-то проклятые вопросы. Проклятые вопросы мешали даже процветанию торговли Ардальона Петровича. Дела его шли скверно, и, кстати, весной он овдовел. Даже домашнее хозяйство его пришло в упадок.

— Горбачев, здравствуйте! Что вы читаете?

А, бытие равно небытию! Бросьте!.. Я пришел к вам по хорошему делу.

— Войдите!

— Нет, я постою здесь. Несколько слов... К черту философию!

— Льюис доказывает тщетность умозрительного метода и бесполезность трансцендентных силлогизмов, — заметил Гриша.

— Ей-богу, натошак не выговорю! Дадите потом почитать? Я люблю иногда занестись в облака... У меня теперь такая книга, такая книга!.. Милочка, Горбачев, я женюсь!

— Поздравляю вас. Популярная книга.

Селезнев рассмеялся.

— Обрезал! Что значит умная голова! Но — атанде-с. Я к вам о просьбой. Ну, что вам за охота летом сидеть в городе! Поезжайте в деревню. Там природа, естествознание? сырой материал. Хотите иметь урок?.. До пятнадцатого августа сто рублей.

Гриша захлопнул Льюиса и сказал:

— Хочу.

— Урок у богатейшего купца, на лоне фауны и флоры — у моего будущего тестя, Ивана Матвеевича Подковы. Коля остался на третий

год в классе, его надо приготовить в другую гимназию. Бойкий и способный мальчишка. Так вы принимаете?

— Еще бы!

— Прекрасно. Только я вам поставлю маленькое условие: друг мой, будьте у меня шафером.

— Я еще никогда не был шафером, — проговорил Гриша, покраснев от удовольствия, потому что почувствовал себя взрослым человеком.

— О, не трудная материя, батюшка! Фрак мы достанем.

— Дело в том, что я не признаю фрака, — начал Гриша.

— Без фрака неловко. Ну, может, в деревне сойдет. Поверьте, я уважаю искренние убеждения современной молодежи!

Селезнев крепко пожал Грише руку.

— А препятствия со стороны фатера и мутерхен не будет? — спросил он, понизив голос.

— Мне кажется, что я уже в таких летах, — возразил Гриша.

— Разумеется! Пустой вопрос. Так когда

же? Не правда ли, чем скорее, тем лучше? Я думаю, через три дни вы будете готовы. Я дам вам письмо, и вы можете ехать на моих лошадях. Хотите, я покажу карточку невесты?

Он вынул из бокового кармана шагреновый портфель и, приятно улыбаясь своими бритыми губами (он носил американское жабо), бережно протянул Грише карточку молодой девушки с круглым лицом и двойным подбородком.

— Красота! — поспешил он прибавить. — Коса — черный поток, глаза — звезды. Но, к сожалению, фотография не передает их блеска. Говорят, со временем, дойдут до натуральных цветных снимков. Прогресс шагнет вперед. Заметьте, Горбачев, — полнота в соединении с юностью. Моя Саша совсем дитя. Нет еще шестнадцати лет, но архиерей разрешил. Чему вы улыбаетесь?

— Вы — и влюблены! — произнес Гриша, возвращая Селезневу карточку.

— Отчаянно и бесповоротна. Если б я не боялся сломать цилиндр об окно, я бы расцеловал вас. Вы образованный, прочитали все книги и сама будете писать, но, голубчик, на-

до прожить с мое, чтобы постигнуть, что такое любовь. Изю всех вопросов — самый проклятый!

Поговорив о любви и еще раз возвратившись к уроку и благам привольной деревенской жизни, Селезнев стал прощаться с Гришей.

— Ах, голубчик, я забыл! — начал он. — Философии не надо, а лучше дайте какую-нибудь умную книжку. Вон, что у вас лежит на столе? Дарвин? Позвольте Дарвина. О происхождении человека? Вот мне как раз... Предпринимая серьезный шаг в жизни, должно подготовиться к нему. Тяжеловесный том! Ума-то сколько, я думаю, ума! Да-с, Чарлз Дарвин не то, что какой-нибудь Ардальон Селезнев. Так вашу руку, сэръ! Через три дня!

Рано утром с дребезжащим стуком подъехал к воротам квартиры Горбачевых тарантас Селезнева. На козлах сидел одноногий николаевский солдат в изорванной, но тщательно вычищенной шинели и с рядом медалей и крестов через всю грудь. Звали его Степанычем. Он служил сторожем у Селезнева, но в чрезвычайных случаях мог быть кучером.

Тарантас был наполнен картонками и ящиками с карамелью, с стеариновыми свечами и проч. Жених посылал невесте несколько модных шляпок и, по просьбе будущей тещи, предметы, необходимые в хозяйстве. На дрогах тарантаса позади помещался сундук с провизией, а поверх сундука лежал запас сена и овса. Деревяшка солдата, подкованная блестящим на солнце железом, упиралась в кулек.

Гриша снарядился в дорогу. Мать и отец вышли на улицу проводить его. Елена Михайловна сама положила подушку в тарантас и, когда сын сел, благословила его. Гриша со снисходительною улыбкой принял благосло-

вение и крепко поцеловал у матери руку, а отцу только пожал. Сестра Катя и маленькие дети еще спали.

Степаныч задергал вожжами, и тарантас покати́л, поднимая пыль.

— Смотри, Гриша, не простудись, — кричала Елена Михайловна. — Может быть, там река, так ты не купайся один и, пожалуйста, не ныряй! Да зачем ты ружье взял? Служба, возьми ружье к себе на козлы. Береги молодого барина!

Тарантас скрылся за углом. Лошади мелкою рысцой побежали по большой дороге, окаймленной столетними березами и вербами. По временам лошади вязли в песке. Степаныч слезал с козел и, прихрамывая, шел рядом с тарантасом. Он заводил разговор с Гришей, предлагал ему курить и рассказывал о купце Подкове, к которому он ездил недавно нарочным от Ардальона Петровича.

— Живут в Ярах хорошо! Кормят на убой. Одно слово — купцы. Теперь возьмем сало, крупу, всякий приварок — хочешь не хочешь, а уж такое положенье, чтобы люди были сыты. Солонины, свинины — собаки не едят;

птиц — выбирай любую. Но уж работу требуют. Ты, брат, ешь, но пот давай. Потрудись. Ты хоть поясницу вывихни, а сделай, что приказано. Подкова — человек аккуратный, строгий! Как принялся сына бить, что твой ротный командир. Заслужил — получи и помни: за битого двух небитых дают.

— Как же ты, Степаныч, хвалишь его? Он просто самодур.

— А хвалю! если ты сын, моей утробой рожденный, и притом смеешь вопреки? Нет, ангел мой, не моги. Для чего я тебя родил, друг мой любезный? Для послушания.

— У тебя были сыновья, Степаныч?

Солдат долго молчал, ковыляя на деревяшке. Наконец он сказал:

— Два сына. Но как я находился на действительной службе двадцать пять лет, то своими их не признал по военной причине.

— Как так, Степаныч? — о улыбкой спросил Гриша.

— Всего вам знать нельзя. Больно молоды.

— Неужели, Степаныч, ты считаешь меня мальчиком?

Степаныч не взглянул на Гришу и перемел-

нил разговор.

— Клюет.

— Что клюет?

— Я говорю, гнедой пристал маленько.

Привал сделаем на Сорочих хуторах.

До Яров оставалось еще двадцать верст. Отдохнув на постоялом дворе, тарантас пустился в дальнейший путь, и к двум часам он въехал в громадный двор, посреди которого возвышался красивый каменный дом под соломенною крышей. Это было имение Подковы, купленное им несколько лет назад с публичных торгов у дворян Мурзакевичей. Тарантас остановился у главного подъезда, на крыльце показались девчонки и бросились сносить вещи. Гриша взбежал по ступеням крыльца, и в передней его встретил толстый человек в трапезном длиннополом сюртуке из летней шерстяной материи, сам Подкова. У него была седая бородка и прямые черные волосы, падавшие с одного бока на его красное расплывшееся лицо. Маленькие глаза ласково и плутовски сияли в жирных красноватых веках, и он улыбался, протягивая руку молодому человеку. Но, как он ни протягивал, все

она была короче живота.

— Вам письмо, — начал Гриша.

— Хорошо, прочитаем. А скажите, благополучно ехали? Не устали с дороги? Есть хочется? Сегодня мы вас не ждали, и обед плохой. Но как, немного вы кушаете? Если немного, то бог нам поможет вас накормить. Пожалуйста, кстати, садится за стол.

— Дунька, что глаза выпучила? Что такое? А, макароны, свечи! Ардальон Петрович не из своего магазина отпустил? Товар у него дрянь. Неси Прасковье Ефимовне. Давайте, я вас обчищу. Ишь, пыль!

Он повернулся боком, чтобы не притиснуть молодого человека к стене, и стал рукой счищать пыль с его плеч.

— Славно и чисто. Живо, живо!

Подкова ввел Гришу в большую залу с богатым старомодным убранством. В раскрытые стеклянные двери виднелся балкон и сад. Другие двери направо вели в столовую, где был накрыт стол и поодаль, в ожидании главы дома, сидела на большом кожаном диване вся семья.

Она состояла из красивой чернобровой же-

ны лет тридцати пяти и из двух дочерей — взрослой девушки, в которой Гриша узнал невесту Селезнева, и другой — подростка, темноглазой девочки с подрезанными вьющимися волосами и в коротком платье. Мальчик, лет пятнадцати, в затасканной гимназической блузе, поджав губы, с сосредоточенным видом прицеливался и ловил мух.

Семья о чем-то болтала, но с появлением Ивана Матвеевича все замолчали и встали с дивана.

— Колькин учитель... Как вас, позвольте узнать? Григорий Григорьевич? У меня брат в монахах, так тоже Григорий. Познакомьтесь: моя супруга, дочери, а вот балбес.

Он осенил себя широким крестом, поднял глаза к иконам, вздохнул и занял место. Жена села против него. Колька — рядом с подростком, которую звали Ганичкой, а Грише пришлось сесть возле невесты Ардальона Петровича. Девчонка, служащая у стола, торопливо поставила ему прибор.

Прасковья Ефимовна степенно спросила Гришу о городских новостях, об Ардальоне Петровиче, о папаше и мамаше. Прасковья

Ефимовна лично их не знала, но справилась о них из любезности.

Иван Матвеевич ел с таким аппетитом, как будто он не обедал три дня. Обед был обильный, жирный. Подавали кашу с салом и яйцами, баранину с чесноком, кур с рисом и несколько сортов оладий. Квас и вино стояли в стеклянных кувшинах. Иван Матвеевич обтирал рот рукой. Глаза его потухали по мере того, как он насыщался. Лицо становилось багровым, и он только вздыхал. Вздох начинался тонким фальцетом — Иван Матвеевич точно захлебывался; вздох походил на хлопанье кузнечного меха и, наконец, как дыхание бури, вырывался из груди.

— О, господи, помилуй мя, грешного! — шептал тогда Иван Матвеевич, вперял пристальный взгляд в тарелку и, подождав, вновь принимался за еду.

Глядя на Сашу, нельзя было сказать, что ей еще нет шестнадцати лет; стройные формы девичьего тела уже начинали исчезать под наплывом наследственного расположения к полноте. Румяные щеки угрожали в скором времени превратить ее черные яркие глаза в

две узенькие щелочки. Руки ее, белые как сахар, все были в ямочках, и на высокой шее обозначились складки: лет в тридцать у Саши будет не два подбородка, а три или четыре. Кисейная рубаша и красный сарафан придавали ей сходство с молоденькою кормилицей. Она сидела, потупив длинные, темные ресницы и стараясь, не поворачивая головы, рассмотреть быстрыми взглядами, бросаемыми искоса, приехжего молодого человека. Он уловил один из таких взглядов — она покраснела.

Кроме Ивана Матвеевича и Прасковьи Ефимовны, никто не возвышал за обедом голоса. Ганичка украдкой улыбалась сестре и тихонько смеялась в салфетку. Коля искусно поймал муху на плече у сестры и зажал в кулак, прислушиваясь к ее жужжанию.

— Григорий Григорьевич, после обеда не отдыхаете? — начал Подкова. — У нас сонное царство. Встаем мы ни свет ни заря, а днем сны видим. Дорога-то, я думаю, утомила!

— О нет, нисколько, — отвечал Гриша и подумал, что его гораздо больше утомил обед.

— Пока вам приготовят флигель, вы будете

спать в гостиной, — сказала Прасковья Ефимовна. — Постель дадим хорошую.

— Как отдохнете, — продолжал Иван Матвеевич, — сделайте Кольке экзамен. А к занятиям — неделку спустя, Обвыкнете, соберетесь с силами — и жарьте. Я вам скажу, Колька — дубина. В кого только уродился!

Колька застенчиво улыбнулся, словно шла речь об его редких достоинствах.

— Сегодня я спросил: семьдесят да пятьдесят — сколько? А он — сто пятьдесят.

Застенчивая улыбка раздвинула рот Кольки до ушей, и он усиленно стал нажимать пальцем на стол. Муха освободилась из плена, покружилась над его головой и села ему на нос. Он опять поймал ее.

Прасковья Ефимовна проводила Гришу в гостиную, где стояла мебель, обитая желтым шелковым штофом.

— Ничего, что шелк, — смеясь, сказала Прасковья Ефимовна, — диван для спанья широкий и удобный; я все жду, когда истреплется штоф, потому что ненавижу желтый цвет. Это выдумка еще Мурзакевичей. Но что прикажете делать, нет сноса штофу.

Вслед за Прасковьей Ефимовной вошел в гостиную Иван Матвеевич, совсем сонный.

— Табак — курите. Ну, жена, уходи. Спать! Спать!

Гриша остался один. Он расстегнул чемоданчик и достал Льюиса. Через полчаса к нему должен был явиться Колька, а теперь мальчика отпустили побегать для пиццеварения.

Солнце бросало в гостиную горячие лучи. Гриша спустил штору и сел в тени. Ветерок слегка колебал полотно. Но вдруг штора сильно сотряслась — кто-то ударил по ней веткой. Гриша приподнял край и увидел на террасе Сашу. Она держала длинный стебель ириса.

— Извините, я вас испугала, — негромко сказала она. — Вы читаете?

— Да.

— Я тоже люблю читать. Вчера всю ночь я читала "Доктора воров" Анри де Кока[3].

— Я не читаю романов, — сказал Гриша.

— Отчего не выйдете в сад? У нас все будут спать до пяти часов.

— Жду Колю. Он должен прийти.

— Он не придет. Я видела, как он верхом ускакал на водопой. Он никого не слушается, потому что мамаша его балует. Когда за ним

накопится много шалостей, отец наказывает его. Но всего два раза в месяц.

— Следует обращаться иначе, — возразил Гриша. — Если Иван Матвеевич накажет его при мне, я уеду.

— У вас такое доброе сердце?

— Не сердце, а убеждения.

— Ардальон Петрович хвалил вас. Нет, выходите в сад. Любите вы резеду?

Гриша вышел на балкон и по широкой лестнице с резвыми деревянными перилами спустился с Сашей в сад.

— А я думал, вы тоже спите, — начал Гриша.

— Иногда, от нечего делать. Но сегодня я ни за что не заснула бы.

— У вас большой сад.

— Пятнадцать десятин. А там лес и растут чудесные грибы. Когда к нам приезжают Тоцкие, Пригожевы, и тут есть еще один священник отец Михаил, у которого много дочерей, — вот, знаете, бывает весело! Мы берем грибы, раскладываем костер, поем песни и играем в горелки. Подождите, вот резеда. Я сама сеяла ее.

Она нагнулась и проворно вырвала несколько кустиков, обдергала стебли и корешки и подала Грише.

— Воткните в петлицу. Не так. Я вижу, вы ничего не умеете!

Она укрепила цветы в петлице его сюртучка и, понюхав резеду, сказала:

— Хорошо! А все оттого, что моя резеда. Теперь смотрите. Маленький розовый куст, право, замечательный: на нем бывают белые и желтые розы. Противный Колька, мне назло сбил вчера все бутоны хлыстиком! Хотите взглянуть на Улана? Мне подарили его жеребеночком. Вот сюда по тропинке... Да идите же скорей! — крикнула она и слегка ударила Гришу ирисом по плечу.

Они прошли среди кустов малины и перешагнули низенький плетень, где были сделаны ступеньки.

— Здорово, ребята! Слышите, как заболтали индюки! Скажите же вы им что-нибудь! Вас не занимает? Пожалуйста, не подумайте, что я деревенская дура. А впрочем, думайте что угодно. Отец спит, и я дурачусь, а при нем я другая. Фролка! Улан дома?

— Дома, — отвечал хлопец лет двадцати в рубахе с расстегнутою грудью и в смушковой шапке.

— То-то! Не смей гонять его на водопой. Вытяни из колодца воды и выведи Улана. Пускай побегаёт на корде.

Фролка ленивою поступью подошел к колодцу и исполнил приказание барышни. Потом отворил ворота маленькой конюшни и вывел Улана.

Улан — трехлетний жеребчик светло-рыжей масти с гнедою гривой и таким же хвостом. Саша потрепала его по шее, наблюдая, как он пьет. Фролка привязал к поводу вожжу, стал посреди двора и закричал на жеребчика. Улан вздрогнул и нехотя пробежал рысью; остановился и насторожил уши. Саша взяла из конюшни кнут и захлопала им. Улан рванулся, взвившись на дыбы. Фролка не пошатнулся — точно прирос к земле. Жеребчик покорился и начал описывать круги по двору. Саша все щелкала кнутом и причмокивала.

— Зачем вы держите его здесь? — спросил Гриша.

— От Кольки. Я ревную Улана. Здесь мое

царство. Выйду замуж, так Улана возьму с собой. Вы катаетесь верхом?

— Да.

— Приедет Ардальон Петрович — устроим кавалькаду. Только, пожалуйста, без Кольки. У меня есть другая, настоящая лошадь, смиренная и старая, а он подскакал и чем-то уколол ее, я чуть не упала. Вообще я вам рекомендую — не вступайте с ним в приятельские отношения. Вы наплачетесь. Ну, Фролка, довольно! Улан, бедненький, как ты вспотел!

— Он страшно раскормлен, — заметил Гриша.

— У нас не любят худеньких, — сказала Саша и с улыбкой посмотрела на молодого человека. — Теперь пойдете на мельницу.

— А что там?

— Мельница... просто мельница!

— Нет. Коля должен скоро вернуться.

— Какой вы неверующий! Кольки до пяти часов не будет. Отец у вас спросит: "Знает что-нибудь мой балбес?", а вы обязаны подтвердить: "Кое-что знает". Мама вам будет очень благодарна, потому что Кольке достанется за то, что он на первых же порах вас обманул.

Над ним давно висит гроза, и отец ждет последней капли.

— Но не могу же я... С какой стати и я буду обманывать Ивана Матвеевича?

— Нисколько, — возразила Саша. — С отцом иначе нельзя. Неправда, но не обман. Мы все говорим ему неправду. Он даже сам не любит, когда ему говорят правду. Вдруг как затопает ногами: "Зачем вы говорите? Как вы смеете меня раздражать? Разве трудно скрыть!"

— А я все-таки скажу правду. А Колю не накажут. Я сам накажу Колю — пристыжу его.

— Вы думаете, у него есть стыд?

Гриша и Саша возвратились в сад.

— Кушайте малину. Я вам нарву. Станете есть из моих рук?

— У вас руки хорошие.

— Не правда ли? А как понравилась Ганичка?

— Я с ней ни слова не говорил.

— И не скажете. Она все молчит, а на ухо говорит мне разный вздор. Мы ее называем лукавою тихоней. Знаете, чем она теперь занята? Возится с кошками. У ней десять котят

и есть кот, который ходит в голубой ленточке. Какая чудесная ягода! Раскройте рот!

Саша со смехом положила ягоду в рот Грише.

— Еще! еще! — закричала она. — А теперь вот вам половинка малины, а другую половинку я сама съем. Согласны вы, что губы похожи на малину?

Гриша возразил, что между малиной и губами есть существенная разница: губы едят малину, а малина губ не ест.

— Губы у малины — корни. Они высасывают из земли нужные для питания соки и постоянно в грязи.

Саша прервала его физиологические соображения и заметила:

— Я говорю только о наружном сходстве.

Поднеся к своим губам ягоды, она ждала, найдет ли Гриша верным ее сравнение. Гриша молчал.

— По-моему, — продолжала Саша, — губы та же малина, только вечная.

— До поры до времени, — возразил он, — Самые красивые губы побледнеют, самое красивое тело истлеет, и из него вырастет ло-

пух, — заключил он, как Базаров[4].

— Я не люблю, когда говорят о смерти! — вскричала Саша. — Я страшно боюсь мертвецов. Ведь они ходят! Если б я умерла, я боялась бы себя самой. Воображаю, как мучительно бродить ночью среди могил, являться в родной дом и засматривать в окна.

— Этого никогда не случается, — произнес Гриша с насмешливою улыбкой, возмущенный наивным суеверием Саши.

Но Саша стала спорить. Когда похоронили в прошлом году бабушку, она сама видела ее вечером в пустой бане.

— У нас пруд в той стороне сада и баня. Я шла, и меня ужас взял, не знаю почему! Сердце забилося, вот как теперь. Надо было скорей пробежать мимо, а я не утерпела, заглянула в баню. Смотрю — бабушка сидит и чешет волосы.

— Вы, значит, подвержены галлюцинациям, — сказал Гриша. — Что же дальше?

— Уж я не помню, как очутилась на балконе. На другой день отслужили панихиду, и бабушка больше не являлась.

Голос у Саши дрожал, она покраснелась

от волнения.

— Успокойтесь, — сказал Гриша. — Не следует доверять чувствам, когда они заблуждаются.

— А чему же доверять? — спросила Саша.

— Рассудку.

Саша, улыбаясь, протянула ему горсть ма-лины, но он отказался.

— Достаточно, я не могу есть непрерывно. Вы считаете меня обжорой!

Она бросила ягоды и сделала движение вперед, рассердись на Гришу. Кисейный рукав сорочки зацепился за сухую ветку и разорвался до самого плеча. Саша крикнула и рас-смеялась.

— Все из-за вас! Теперь надо переодевать-ся. Если б мы пошли на мельницу, ничего не случилось бы. Там можно было бы лечь в тра-ву, уставиться глазами в небо и смотреть. Об-лака бегут, бегут, приходят мечты. Мы вместе помечтали бы. Противный вы! Вам нисколь-ко меня не жаль?

Она показала разорванный рукав; он уви-дел на его голом белом плече красную царапи-ну.

— Скоро заживет, — промолвил он, и ему было досадно, что щеки его вспыхнули при виде плеча Саши.

Саша, остановившись, рассматривала царапину.

— Послушайте, что там под кожей? Право, заноза! Нате булавку, попробуйте вытащить.

— Давайте. Да, заноза. Верхняя кожица называется эпидермой... Мне страшно, что вам будет больно, и у меня дрожат пальцы. Вот заноза. Я перевяжу плечо своим платком.

Он делал повязку и, наклоняясь, чувствовал на своих волосах дыхание Саши.

— Спасибо. Только никому не говорите, что случилось. Мама встревожится. Я пойду вперед, а вы побудьте еще... Я опять выйду.

В саду Гриша был недолго; он вернулся в гостиную и хотел продолжать чтение; часы пробили четыре. Но чтение не шло. Гриша стал ходить по комнате и думать о Саше и об Ардальоне Петровиче. "Как можно жениться на такой пустой девушке. Правда, у нее хорошее плечо и губы в самом деле похожи на малину, но она все время говорила глупости. Слыхала ли она что-нибудь о женском вопро-

се? Странно, что Ардальон Петрович не развил ее".

Он остановился перед картинами, висевшими в золоченых рамах на стенах.

— Что вы делаете? — спросила Саша, появляясь в гостиной. Она была теперь в ситцевом платье и переменила прическу. — Ваш платок. Терпеть не могу этих картин. Мы хотели подарить их отцу Михаилу, но он не взял. Темнеют с каждым годом. Нянюшка к праздникам смазывает лампадным маслом, и тогда еще можно что-нибудь разобрать.

— От масла картины гибнут. За них, может быть, заплачены тысячи.

— Дураки платили.

— Да, если хорошенько вдуматься, искусство не имеет смысла, — сказал Гриша. — Игрушки богачей должны погибнуть роковым образом. Вы слышали что-нибудь о великих принципах тысяча семьсот восемьдесят девятого года?[5]

Саша во все глаза посмотрела на него.

— Когда-нибудь я с вами поговорю. Теперь скажу только, что один из принципов называется равенством. Все равны — дворяне и

крестьяне, мещане и купцы и, наконец, мужчины и женщины. Вот рядом с картиной голландского художника плохая литография с изображением Филарета, архиепископа Черниговского. Кисть мастера и суздальская пачкотня в одинаковой чести. Демократия...

— Ах, оставьте! Меня пугают слова, которых я не понимаю! Вы умный, умный, я верю! А лучше ответьте мне... Если любишь кого, то, не правда ли, уважаешь? Но отчего же я уважаю одного человека и совсем не люблю!

— Кто он?

— Вам все равно кто. Разумеется, не вы.

— Мне трудно ответить, — начал Гриша, подумав. — Во-первых, потому, что я любви вообще не придаю значения.

— Как, и сами ни в кого не влюблены?

— Ни в кого. Прежде я действительно увлекался, но... не стоит.

— Почему же?

— Любовь та же чашка кофею. Выпил — и довольно. Жизнь слишком строгая задача...

— О, приятно полюбить и отдаться на всю жизнь, вот как пишут в романах!

— Не читайте пустяков.

— Да, но я не могу и не хочу ничего другого читать. Кто мне смеет запретить? — сказала Саша. — Значит, по-вашему, достаточно уважать человека, чтобы выйти за него замуж?

— Сам я никогда не женюсь. А вы спросите у Ардальона Петровича.

— У Ардальона Петровича? Так и быть — я вам признаюсь. Да, я спрашивала, и он сказал, что любовь придет. Но если я люблю другого?

— Ничего.

— Будет ли хорошо?

— Вполне.

— Я поневоле согласилась, — покраснев, проговорила Саша, — иначе отец убил бы меня. Ардальон Петрович хороший человек, я не спорю, но зачем он бреет усы и, когда остается со мною вдвоем, начинает смеяться таким противным смехом, что я с ума схожу! Он все называет меня ребенком. Положим, я не старуха, но ведь не дура же я. Я не умею говорить, но у сердца есть свой язык. Скажите, права я?

Гриша решил, что Саша права, и открытие, что она не любит Ардальона Петровича, огор-

чило его. Симпатии его разделились: ему жаль стало Сашу, которую насильно выдают замуж, и жаль было Ардальона Петровича,

— Может быть, вы хотите, чтоб я вмешался? — сказал он.

— О нет, не надо! — с испугом вскричала Саша. — Решено. Через две недели свадьба. Я только для себя самой хотела выяснить.

Громкое чиханье, подобно эху, пронеслось по дому. Саша вздрогнула.

— Отец проснулся.

На пороге она чуть не сшибла с ног Колю. Красный, облитый водой, без пояса, он влетел в гостиную и, остановившись пред Гришей, как вкопанный, с плачевным выражением на лице, пронзительно начал:

— Семью семь — сорок девять, пятью пять — двадцать пять. Экватор есть часть земного меридиана... проходящего через полуостров Ферро. Да не будет тебе бози, иные разе меня...

— Вы с ума сошли!

Колька сделал гримасу и замахал руками по направлению к спальне отца.

— По улицам слона водили, как видно, на-

показ, — продолжал он. — Слоны в диковину у нас... Однажды лебедь, щука, мартышка и лев затеяли сыграть квартет, дерут, а толку нет... дерут, а толку нет, — повторил он жалобно и громко, прислушиваясь к тяжелым шагам отца.

— Да отпустите вы его! — добродушно сказал Иван Матвеевич, входя в комнату. — Пошел! — крикнул он на сына. — А-а-а! — зевнул он и перекрестил рот. — Скажите, знаете вы толк в снах, или вас не учили? Представьте, снилось мне так натурально! Выхожу я на леваду и хороший, хороший табак вижу, а откуда ни возьмись саранча, да вот этакая (он показал кулак). Главное, еще не случилось, чтобы саранча табак у меня ела. А зубы у саранчи — человеческие. Стал я удивляться и проснулся. Надо будет нянюшке рассказать. А-а-а! Мух — гибель! Мухи меня кусали, а саранча приснилась. Я мух в банку ловлю на сыворотку, а все не переводятся. Назойливый зверь, ничего порядком не даст съесть. Вы не проголодались еще? Сейчас нам чаю дадут. Пойдемте на балкон!

В доме началось оживление. Девчонка

пробежала по зале с подносом и стаканами. Ганичка выглянула из-за портьеры и сейчас же скрылась, как мышка в норку.

IV

Опять собралась семья Подковы за столом. Иван Матвеевич и Прасковья Ефимовна упрашивали Гришу есть творог со сметаной. А когда он покорился, сделал над собой усилие и съел творогу, была подана сковорода жареных грибов. Начались новые упрашиванья. На Гришу смотрели с участием. Бледный, заморенный городской жизнью молодой человек! В деревне надо пополнеть. Но едва он съел грибы, как с обеих сторон ему подложили еще. Он с тоской посмотрел на Сашу и решительно отказался.

— Нехорошо, Григорий Григорьевич, — укоризненно сказал Подкова. — Какая работа будет, если не кушать?

Гриша вспомнил сцену с Колькой и подумал, что, должно быть, никакой работы не будет.

А кругом была благодать. Море зелени простиралось до самого горизонта. Деревья разных пород недвижно дремали под косыми лучами солнца. Там темная листва шарообразных лип и пирамидальных тополей, здесь

светлые купы молодых кленов, яблоней, вперемежку с вишневыми деревьями и кустами сирени и жасмина. У самого дома темнели крымские сосны и тихо колебались широкие золотисто-зеленые вырезные листья клещевины. Свежий воздух был напоен запахами цветов. В лазури таяли легкие бледно-розовые облака.

Подкова махнул на Гришу рукой и, тяжело поднявшись с обычным вздохом: "О, господи, буди милостив ко мне, грешному!" — ушел хозяйничать. Надо было поехать в поле и посмотреть на рожь.

Колька, по уходе отца, развалился на стуле и улыбнулся Грише.

— Спасибо, Григорий Григорьевич, — начала Прасковья Ефимовна, — что мальчика не выдали. Он шалун, да ведь его замучили в гимназии. Если бы вы знали, какой он у меня был розовенький и, можно сказать, аккуратный. Что учение! Достатки у нас хорошие.

Колька стал качать ногой и мерно двигать локтем, бить себя по губам пальцем.

— Тру-ту! Ту-тру! Тру! Тр-р...

Прасковья Ефимовна, приятно улыбаясь

учителю, замахнулась полотенцем и ударила Кольку по лицу.

— Где ты сидишь? Как ты себя ведешь?

Колька засмеялся, отпрянул от стола и, поджав одну ногу, стал спрыгивать со ступенек балкона.

"Я за него все-таки возьмусь", — сказал себе Гриша.

Может быть, Прасковья Ефимовна угадала мысли Гриши. Чтобы задобрить его, она стала с ним еще ласковее и подала полную тарелку малины со сливками.

Гриша начал:

— Да я уж ел...

Но Саша вспыхнула и сделала знак молчать. Молодой человек увидел, что надо быть в заговоре не только с Прасковьей Ефимовной против ее мужа, но и с Сашей против Прасковьи Ефимовны.

— Не любите малины? — спросила купчиха. — А стакан сливок? Кушание с булочкой!

Гриша вздохнул, как Иван Матвеевич.

— Не хотите? Насильно мил не будешь. Ганничка, выпей сливочек, выпей, милая. Что глазки у тебя сегодня как будто запали?

Ганичка взяла стакан, прикрыла его куском хлеба и ушла.

— Кошкам понесла, — заметила Саша. — Увидите, так умрете от смеха.

— Нехорошо смеяться над сестрой, — возразила Прасковья Ефимовна. — Ты маленькая была — тоже глупости делала.

— Ганичка не маленькая.

— Женихи наши еще не подросли, — с улыбкой произнесла Прасковья Ефимовна и взглянула на Гришу. — Мотька, убирай посуду.

Ганичка, прибежав в свою комнату, накрыла детский столик салфеткой, поставила кукольный сервиз и разлила сливки по блюдечкам. С разных сторон к ней подбежали кошки. Она усадила их, как детей, и стала кормить. Кошки взбирались на стол и опрокидывали посуду, но Ганичка торопливо водворяла порядок и драла шалунов за уши. Саша привела Гришу посмотреть на кошачий чай. Ганичка застыдилась и спрятала лицо в подушки.

— Видите — дура, — сказала Саша. — А мама сделала намек!..

День прошел. В восемь часов был подан Дужин. Поглаживая бороду, Иван Матвеевич сел, и на Гришу снова посыпались усиленные приглашения есть. Аппетит Подковы служил подтверждением, что в деревне люди едят втрое и даже вчетверо больше, чем в городе. Уничтожив цыплят, купец проглотил миску вареников. Наконец он стал зевать. К его руке подошли домочадцы: он благословил их и попрощался с Гришей.

— У нас ложатся рано, — сказал он. — Здоровее будем! А-а-а!

— А-а-а! — зевнул Колька.

На диване в гостиной Мотька постелила постель. Гриша не привык так рано ложиться. Мертвая тишина, водворившаяся в доме, угнетала его. Он раскрыл книгу, пробежал несколько страниц и ничего не понял. "Растительная жизнь деревни уже начинает притуплять мои нервы", — подумал он. При тусклом свете стеаринового огарка желтая гостиная казалась больше, просторнее, и ночной мотылек, бившийся о верхнюю оконницу или

делавший круги около огня, придавал фантастический оттенок обстановке, напоминая о былых временах помещичьей роскоши.

Гриша взял карандаш, ему захотелось записать впечатления дня. Еще утром он был дома, в родном гнезде, а вот совсем другие лица, совсем другая жизнь, другие интересы. Ему живо представилась Саша с разорванным рукавом.

Карандаш забегал по бумаге. Но вместо впечатлений дня Гриша стал сочинять стихи.

*В полночный час, когда лампада
погасает,
А маятник стучит в угрюмой
тишине
И сумрак трепетный, как при-
зрак, простирает объятия ко
мне;
Когда в душе немой, как червь,
живущий в гробе,
Ошибкам прошлых лет подьем-
лется укор...*

Гриша остановился, прошелся по комнате, вырвал из записной книжки листок со стиха-

ми, скомкал и бросил его в угол.

"Глупо. Кто в наше время пишет стихи? Если смеются над Пушкиным, как будут смеяться надо мной! Жаль, что я не родился раньше. Теперь мое призвание — наука. Суровая эпоха требует суровых людей с суровым умом".

Он успокоился, с сожалением посмотрел на вырванное место в книжке, подумав: "А стихи могли бы выйти недурные", но преодолел порыв сердца и опять взялся за Льюиса. Внимание его постоянно развлекалось странным ритмическим биением какой-то жилы в мозгу, и между строк философской книги мелькали неопределенные образы и звучали рифмы.

Он отодвинул Льюиса, лег на диван и медлил раздеваться. Сна не было.

"Я тупею, а к концу лета превращусь совсем в дурака", — подумал он.

Занавеска, как после обеда, зашумела и заколебалась.

Гриша вскочил и подбежал к окну. На балконе никого не было. Сад был залит лунным светом, и только в сумраке между деревьев виднелся очерк белой фигуры.

Когда Гриша проснулся на другой день утром, Подкова уже позавтракал и уехал в соседнюю деревню взыскивать долг с Тоцкого. Мотька принесла на подносе хрустальную кружку молока и сказала:

— Барыня приказали, чтобы вы выпили.

Он едва успел одеться, как Прасковья Ефимовна пригласила его в столовую.

— А Кольку я отпустила в поле, — начала она за завтраком. — Вам не скучно у нас? Саше я попеняла, что она вас не занимает. Она все равно что дама — от Ардальона Петровича не отобьете!

Помолчав, она стала хвалить Гришу:

— Какой вы скромник. Как бы я хотела, чтоб у меня такой сын был. Дал же бог счастья вашей мамаше!

В доме закрыли ставни с солнечной стороны, и Прасковья Ефимовна напала на Гришу за то, что он в сюртуке.

— Неужели же у вас нет блузы? Может быть, вы наденете красную рубашку Ивана Матвеевича?

— Воображаю, какой вы будете смешной, — заметила Саша. — Уж лучше юбку!

— Саша, — строго сказала Прасковья Ефимовна, — не издевайся над отцом. Придержи язык. Защитить еще некому будет.

Гриша отделался от любезного предложения Прасковьи Ефимовны; у него нашлось полотняное платье.

— Ардальон Петрович говорил, что вы рисуете, — начала Саша, вбегая к нему, — Ганичка просит вас сделать ей кошечку. С вами краски?

Гриша стал отнекиваться, говорить, что он давно поставил крест над искусством, но все-таки ему хотелось щегольнуть умением рисовать, — он согласился.

Пришла Ганичка с белым котом на руках и села поодаль. Застенчиво улыбаясь, она исподлобья посматривала на Гришу.

Саша раскрыла ящик с красками, помочила кисточки в воде. Гриша достал альбом из чемодана.

Он обвел карандашом контур и растер краски на блюдечке. Саша обошла стол и, сев на ручку дивана, смотрела из-за плеча Гриши

на рисунок.

Натурщик сидел беспокойно, и Ганичка что-то шептала коту.

— А голубую ленточку? — спросила Саша.

— Сейчас. Главное — надо схватить выражение... Пощекотите у него за ухом.

Ганичка рассмеялась своим тихим смехом.

— А это что? — спросила Саша.

— Зрачки.

— Синею краской?

— И малиновым лаком.

Саша наклонилась рассмотреть лак, и Гриша почувствовал на своем затылке горячее дыхание.

— Я вам мешаю?

— Ничего!

— А теперь какая краска?

— Бурый вандик.

Саша опять наклонилась, и дыхание ее стало горячее.

Гриша капнул краской и запачкал нарисованный глаз.

— Видите, мешаю.

— Можно смыть.

Рисование продолжалось, портрет кота

был готов.

Ганичка приблизилась к альбому и прежде всего показала рисунок коту. Саша все сидела на ручке дивана; Грише не хотелось вставать из-за стола.

— Ганичка, я вас нарисую!

— Не хочу, не хочу! — вскричала девочка и убежала, раскрасневшись.

— Она уж вообразила, что вы ею интересуетесь, — пояснила Саша. — Вот Леночка Тоцкая — всего тринадцать лет, а хоть сейчас о чем угодно говори, все поймет. С Ганичкой же у меня нет никаких тайн. Я даже ей не рассказала о вчерашней царапине.

— А что, зажила?

— Болит до сих пор. Уж такое нежное тело.

Она перегнулась и, заглянув Грише в глаза, спросила:

— А сегодня на мельницу?

Он хотел ответить: "Нет, не надо", но сказал:

— Сегодня пойдем.

Вернулся Иван Матвеевич, покушал; дом замер, погруженный в сон, и Саша с Гришей через сад вышли в открытое поле, где дере-

венские мальчишки пасли гусей. Перерезав пыльную проселочную дорогу, они очутились у мельницы.

Огромное пирамидальное здание под железною кровелькой таинственно молчало. Ветра не было, широкие мельничные крылья неподвижно распростерлись в воздухе. Площадка, где стояла мельница, вся заросла свежою муравой, а далее волновалась еще не сжатая рожь. Золото колосьев пестрело синими васильками, лиловыми волошками, куколем.

— Я говорила вчера, почему я люблю мельницу, — начала Саша. — Нигде так свободно себя не чувствуешь. Проходят мои последние девичьи дни, хочется забыться... Вон, летят журавли. Я не люблю сада и не люблю леса... Чтобы степь была кругом, чтобы конца-края не видать! Я такая дура: бывало, приду сюда и плачу, только не от горя. Послушайте, отчего сердце сжимается? Идите сюда, — продолжала она, не слушая объяснения Гриши. — Тут маленькая ложбинка, отсюда хорошо смотреть на облака.

Она отбросила свою соломенную шляпку с

красными лентами, легла и стала глядеть на перистые облачка, чуть бледневшие в глубокой лазури неба.

— Замечательно, — говорила она, — небесные барашки всегда на одном месте, а те тучки, что пониже, бегут быстро. Те, что еще ниже, — быстрее. А мои мечты летят, как сумасшедшие!

Гриша стоял и думал: "Нет, есть что-то поэтическое в ней".

— О чем же вы мечтаете? — спросил он.

— Нет слов рассказать, — произнесла Саша, устремив к небу немигающий взгляд. — Я не могу. Об этом чувстве я нигде даже не читала. Ни одна подруга не поймет меня, и вы тоже не поймете. Садитесь.

Гриша колебался. Саша вскочила и толкнула его на траву.

— Вы — эгоист, как никто! Вместе, говорят, и цыган повесился. Видите маленькое облачко, вроде голубки? Отчего оно одиноко?

Гриша запрокинул голову.

— Лежите смирно! — приказала Саша. — Лежите, я уберу вас цветами!

— Что за шутки! — вскричал, смеясь, Гри-

ша.

Но он покорился ласковой неволе. Послеобеденная дрема охватила его. Стрекотали кузнечики, шуршали стрекозы; по волнам ржи проносился шелковый шелест ветерка.

Саша подбежала и бросила в него васильками. Через минуту она вернулась... Она смеялась и закидывала его полевыми фиалками, подорожником, хлопушником, лютиками, смолкой. Опустившись на колени, она сказала:

— Закройте глаза.

Гриша закрыл — и почувствовал на своих губах торопливый поцелуй, легкий, как резвое дуновение ветерка, и раздражающий, как прикосновение пчелы.

Он вздрогнул, приподнялся, но Саша была уж далеко, взбежала по ступенькам мельницы, захлопнула за собою дверь. Долго не хотела она выходить. Гриша слышал — она говорит о чем-то с мельником, которого разбудила. Потом она спрыгнула с лесенки, взяла у Гриши свою шляпку и с непокрытою головой пошла рядом с ним через выгон. Глаза ее были потуплены; она молчала, дыхание ее пре-

секалось.

В саду Гриша спросил:

— Зачем вы?..

— Что такое?

— Вы знаете что.

— Нет!..

— И я не знаю. Следует забыть. Будто бы шалость? Хорошо?

Саша закрыла лицо шляпкой и сказала:

— Хорошо.

VII

Однако Гриша задумался. Весь остальной день он избегал Саши и старался сблизиться с Колькой. Он удержал мальчика возле себя после вечернего чая и долго расспрашивал, какие у него наклонности, к чему его больше влечет, почему ему так ненавистны книги.

— Если б учителя не спрашивали, — отвечал Колька мечтательно, — я бы, ей-богу, учился. Отчего не хотят верить? У меня такая натура! Раз не поверили — кончено. Сейчас обманывать.

От разговора об учении Колька норовил перейти к птичьим гнездам, к наблюдениям над дворовыми собаками, к уличным мальчишкам, которых он обыгрывает в бабки.

— Коля, тебя нельзя назвать маленьким мальчиком, — начал Гриша. — Подумай только, ты всего на четыре года моложе меня. Если хочешь дружить со мной, тебе придется бросить бабки. Давай вместе собирать жуков, бабочек и растения. Не заметил ты, водятся у вас большие палевые мотыльки? У них кры-

льях с длинными, длинными шпорами!

— А! — вскричал Колька. — Вчера я кнутом убил. Как хлопнул — упал. Каждое крыло с ладонь. Ну, я же ему задал — искрошил вдребезги!

Гриша стал говорить о гуманности, о пользе и вреде, приносимых насекомыми. Колька плохо слушал. Он поднимал камешки с земли и с зверским выражением, страшно размахнув рукой, далеко бросал их. Гриша начинал толковать о притяжении земли.

— Все выдумки! — скептически произнес Колька. — Сказать вам по секрету, я больше учиться не намерен. Если отец накажет, повешусь. Я уж и веревку приготовил, — со слезами в голосе заключил он.

И тут же, увидав любимого пса, он кинулся к нему, стал кверху ногами и проделал несколько акробатических штук.

Было поздно, приближался час ужина. Звезды пронизывали там и сям нежный сумрак небес. Утомленный обществом Кольки, Гриша ушел в гостиную, под предлогом головной боли, и решил написать Ардальону Петровичу о своем двусмысленном положении в

доме Подковы, где едва ли нужен учитель — разве для очистки совести. "Так зовут врача к безнадежно больному. Но какой же уважающий себя врач возьмется за лечение мертвеца?" — придумал Гриша пышную фразу. Была еще другая причина, почему Гриша не считал себя вправе пользоваться гостеприимством Подковы; но о ней умолчал.

Он чувствовал себя нехорошо. Голова его в самом деле горела, стучало в висках. Напрасно он разделся и лег. Он должен был встать, зажечь огонь, и, чтобы прогнать смущавшие его мысли и рассеять движения сердца, которые он называл низшими, он занялся метафизикой. В поэзии много предательства, она волнует душу, но метафизика отрезвит. Гриша вынул записную книжку и стал писать: "Бытие есть бываемое; небытие — то, чего не бывает. Однако же бытие может не быть, ибо если б оно не могло не быть, то не было бы небытия. Небытие же всегда есть небытие; оно не может не быть, или, вернее, быть, и, следовательно, оно вечно. Бытие, превращаясь в небытие, становится его частью. Бытие есть настоящее; небытие — вечное. Следова-

тельно, небытие есть все, а бытие только частное небытия — может быть, его атрибут".

"Я мог бы быть метафизиком, не только поэтом и художником, — подумал Гриша, любясь своим логическим построением и отодвигая книжку. — Но я должен буду принести себя в жертву реализму".

"Но если я реалист, — продолжал он, — почему же я так странно отношусь к Саше? Что дурного в ее поцелуе? Она выйдет замуж и, вероятно, будет целовать еще кого-нибудь, кроме мужа. Она сама намекает... Ее положение ясно. Ей трудно бороться с деспотической семьей. Еще хорошо, что она выходит за Арда льона Петровича. Она протестует, как умеет. Или она не по сердцу мне? Нет, она хороша собой, я никогда еще не видал такого прекрасного плеча..."

Он прервал свои думы: в зале скрипнул пол. В гостиную вкатилось с легким стуком большое зеленое яблоко и остановилось у дивана. Гриша поднял его, положил на стол — все его метафизические и реалистические рассуждения разлетелись, как дым. Сердце забило, забило... Кто же, как не Саша, стоит

там за спущенною портьерой? Ему чудилось, что он различает даже сдержанный шум ее дыхания.

Но что-то приковало Гришу к месту. Он не подошел к портьере и не потушил огня. Дрожащими руками развернул он Льюиса и стал вчитываться в смысл первой попавшейся страницы. Буквы прыгали перед глазами. Сначала он ничего не понимал. Но постепенно волнение улеглось, выступили отдельные фразы. Он читал, пока не догорела свеча.

Светало...

VIII

Минула неделя, а ответа от Ардальона Петровича не было. Гриша вел себя сурово с Сашей. Колька раздражал его. Блага деревенской жизни, которые посулил ему Селезнев, и вечная еда Подковы стали ему ненавистны. Он узнал, что Подкова разжился всякими неправдами, что когда-то он был старшиной и обирал крестьян, что он держит в руках всех помещиков уезда и разоряет, ссужая их деньгами под большие проценты. Благодушный и вежливый с Гришей, Подкова грубо обращался с рабочими, выжимал из крестьян соки. В откровенных беседах с Гришей, когда он один странствовал по полям, мужики называли Ивана Матвеевича пиявкой и христо-продавцем. Гриша на время отложил занятие философией и принялся за изучение книги: *О положении рабочего класса в России*[6].

Саша сосредоточилась, стала бледнеть. Грише она мстила — сама удалялась от него. Об Ардальоне Петровиче стала отзываться горячо, почти с любовью. Она ставила жениху в заслугу его солидность, находила даже, что

ему идет американское жабо. Саша хитрила, рассчитывая, что холодным обращением скорее добьется взаимности Гриши.

Но скоро ей надоела политика. Срок свадьбы приближался с ужасающей быстротой; надо было на что-нибудь решиться. Несколько дней подряд Саша меняла туалеты: надевала то мордовский костюм, то болгарский, то появлялась в голубом сарафане с позументами, то в белом кисейном платье. Однажды, после обеда, она вошла с Ганичкой к Грише и сказала:

— Григорий Григорьевич, хотите прокатиться? Поедем в Дутый Яр; чудесный дубовый лес, вам понравится.

Она взяла его за руку.

Пара стоялых вороных ожидала у крыльца. Надо было вернуться к пяти часам, Иван Матвеевич никому не позволяет ездить на этих лошадях. Их запрягли без его ведома, но с разрешения Прасковьи Ефимовны; она своему же кучеру должна была дать на водку за сохранение тайны.

Колька сидел на козлах, сложил губы по кучерски и держал бич. Гриша сел вместе с

Сашей, а Ганичка заняла переднюю скамейку.

Фаэтон выехал из ворот.

— Вот мельница, — промолвила Саша.

— Да, и вертится, — ответил Гриша, взглянув на быстро машущие крылья мельницы.

— Сжали рожь, — сказала Саша, — нет васильков. Вам нравятся васильки?

— Не нравятся.

— А какие цветы вам нравятся? — спросила Саша.

— Крапива.

— Вот крапива! — произнесла Саша, положила свою руку на руку Гриши, прижала к подушке фаэтона и стала ломать ему пальцы, сначала нежно, потом крепче.

Ганичка исподлобья смотрела.

— Зачем вы при ней? Она все видит, — сказал Гриша по-французски.

Но Саша не поняла или не хотела попять. Гриша вскрикнул и высвободил наконец руку.

Жестокость Саши пробудила в нем те реальные мысли, с которыми он так долго и победоносно боролся всю неделю. Саша прикры-

ла Гришиным пледом свое платье от пыли, и Гриша опять позволил ей ломать ему пальцы. Он отвечал ей тем же и, когда они приехали в Дутый Яр, взял Сашу под руку.

— Ганичка, поищи грибов, — приказала Саша, — Если найдешь пятьдесят грибов, я подарю тебе свою бонбоньерку с зеркальцем!

Ганичка отстала. Кучер завез экипаж в тень, закурил трубку и растянулся на траве. Колька разделся и побежал купаться. Молодые люди очутились вдвоем в глуши; кругом зыблились прохладные тени от высоких, кудрявых дубов. На дне Яра струился ручей, и его журчанье сладко тревожило лесную тишину.

— Какой вы глупый! — сердито начала Саша. — Как нечестно так мучить меня! Хотелось унижить меня и показать, что вы барышня, а не я. Смотрите, мол, я примерный! Что же выиграли? Скучали целые десять дней и столько же дней отняли у меня! Какое право вы имели?! Если сама девушка отдает свое сердце и не требует от вас взамен ничего, так уж я после этого не понимаю, как могли вы оскорбить ее... Вы, кажется, забыли, к какому полу принадлежите, милостивый государь!

— Вы либеральнее меня смотрите на жизнь, — произнес Гриша.

— Не смотрю, а чувствую! Мне остается еще так немного свободы! Я не лгала Ардальону Петровичу и сказала, что не люблю его. Он не поверил, я вольна располагать собою, пока не дала клятвы под венцом. Скорей скажите что-нибудь!

— Вы так взволнованы, Саша! И я сам взволнован. Но не правда ли, нехорошее волнение?

— Не рассуждайте, ради бога! — вскричала Саша со смехом.

Она схватила Гришу за голову, притянула к себе и покрыла поцелуями его лицо.

Ему стыдно было, что его целуют. Упреки Саши были чувствительны. Он готов был доказать, что он гораздо мужественнее, чем о нем думают. Но — раздался отчаянный визг в лесу, и вприпрыжку через кусты прибежал Колька.

— Сумасшедший, что с тобою? — закричала Саша в испуге, отшатнувшись от Гриши.

Колька остановился. Глаза его были выпучены, рот плачевно раскрыт.

— Что случилось? — спросил Гриша.

— Змея! — сипло отвечал Колька. — Она хотела меня ужалить!

— Не дурачься! — приказал Гриша.

Колька помчался дальше, продолжая оглашать лес дикими криками.

— Теперь он к Панасу, потом к Ганичке. Да, он дурака строит... Нет, нет, он больше сюда не прибежит... Ну, хорошо, пройдем дальше.

Далеко между деревьями мелькала исступленная фигура Кольки. Он уж приближался к фаэтону, как вдруг отскочил назад и упал навзничь с раздирающим душу воплем. Гриша и Саша поспешили к нему. Колька с разбега хватился лбом о сук и набил себе шишку.

Трагическое происшествие с Колькой помешало дальнейшему объяснению молодых людей. Ганичка набрала грибов скорее, чем можно было ожидать, и общество покинуло Дутый Яр.

На обратном пути Гриша сам заботился, чтобы плед не скользил с колен и чтобы пыль не садилась на Сашу.

Саша сказала:

— А знаете, Григорий Григорьевич, фли-

гель вам готов. Две комнаты. Хотите осмотреть, пока наши спят?

Фаэтон въехал в ворота черного двора, на всякий случай, чтобы не попасться на глаза Ивану Матвеевичу.

Флигель стоял рядом с конюшней: низенький домик о маленькими окнами, выходящими с одной стороны во двор, с другой — в сад. Зимой здесь жил приказчик Подковы, заведующий табачною торговлей. Комнаты были оклеены новыми обоями.

— Нагнитесь, а то с вами случится то же, что с Колькой, — посоветовала Саша.

Она ввела его в другую комнату и стала писать что-то на окне. Гриша с недоумением пожал плечами.

— Несносный! — Она вывела цифру 10.— Поняли?

Гриша кивнул головой.

— Теперь...

Она написала букву б, потом а, н и я. Ганничка смотрела на окно и из-под руки сестры улыбалась Грише.

"Как неосторожна Саша", — подумал он.

— Хорошо, хорошо, — сказал он вслух. —

Хороший флигель.

— А замечаете, как низко? — продолжала Саша. — Для сокращения пути вы можете прямо пользоваться окном. Вас сегодня переведут сюда... Все поняли?

Ганичка взвизгнула от смеха и убежала.

— Но и Ганичка поняла? — проговорил он с тревогой.

— Ничего она не поняла. Волка бояться — в лес не ходить! Я не боюсь волка.

IX

Ожидая свидания, Гриша с балкона пристально смотрел на закат. В просвете, образуемом двумя тополями, ярко сияли небеса, залитые пурпурным огнем. Таяли золотые тучки. Гриша думал, что, может быть, то самое облачко, которое там у мельницы стояло так высоко и было так холодно и бледно, теперь спустилось со своей недоступной высоты и догорает на костре заката. Он вспомнил, что Саша сравнила облачко с белою голубкой. Когда-то ночью он видел пожар. Голуби проснулись и стали кружиться над заревом, падая один за другим в пламя. Вот и облачко сторит...

— О чем пригорюнились? — спросила Прасковья Ефимовна, садясь возле Гриши. — Вы чересчур серьезны. Все думаете о своих науках. Право, молодому человеку не мешает и пустяками заняться. Возьмите моих девочек да сыграйте в короли или в марьяж!

— Простите, я не люблю карт.

— Ничего-то вы не любите. Кушаете мало, до сих пор не поправились. Что скажет ваша

мамаша? Хотите маковников?

— Нет, благодарю вас.

— Подождите, будем справлять свадьбу, наедет барышень видимо-невидимо. Влюбитесь, и мы вас женим. У нас все красавицы. Даже простые девки и те хоть малюй. Гардина! — крикнула она.

Баба, проходившая мимо балкона, остановилась.

— А что, готово?

— Все готово, — отвечала баба.

Прасковья Ефимовна отправилась хлопотать об ужине.

Закат между тем потускнел. Золотые тучки стали малиновыми, а те, которые были выше их, — пепельными и лиловыми. Бледный сумрак окутывал сад. На верхушках топей погасал багряный отсвет.

Саша вышла к ужину и на вопрос матери, что с нею, пожаловалась на лихорадку. Щеки ее пылали, и по временам она вздрагивала. Подкова не обращал внимания на дочь, ел, по обыкновению, за троих, но вдруг взгляд его упал на Кольку.

— Это что? — спросил он и ткнул пальцем

в его лоб.

— Маленькое несчастье с нами случилось, — робко начала объяснять Прасковья Ефимовна.

Подкова гневно закричал:

— Колька! Завтра же высеку! Ты думаешь, я ничего не знаю? Мне о каждом шаге твоём доносят. Оглашенный!

Он снова больно ткнул его в лоб. Гриша побледнел.

— Едва ли, Иван Матвеевич, можно сделать что-нибудь наказаниями!

— Я отец! — вскричал Подкова.

Руки его затряслись. Прасковья Ефимовна замерла от страха, у Кольки капали из глаз крупные слезы.

— Кто смеет вмешиваться между отцом и сыном? — продолжал кричать Подкова,

— Первая моя обязанность, — сказал Гриша, — быть порядочным человеком. Я сделал замечание, потому что должен был его сделать. А затем как угодно — я могу уехать.

Глаза Подковы и Гриши встретились, сверкнули, и Подкова... рассмеялся.

— Славно! — вскричал он. — В моем же до-

ме меня побили! Неслыханное дело! Колька, — строго сказал он, — прощаю тебя, каналью. Но зато Григорий... как вас... Григорьевич! — денег не получите, если он не сдаст экзамена. Передаю балбеса в полное ваше распоряжение. Посмотрим!

Неожиданный и благодушный конец ссоры обрадовал Прасковью Ефимовну и смутил Гришу. Он протянул руку Подкове.

— Хорошо, хорошо! по-вашему — так по-вашему! — сказал Подкова. Руки его еще дрожали, когда он, взяв миску за оба ушка, опрокинул галушки в тарелку.

"Я прав, и он смирился, — рассуждал Гриша, идя с Колькой во флигель. — Он умный мужик".

Победа, одержанная Гришей, внушила Кольке уважение к особе учителя. Он, не возражая, выслушал приказание собрать к утру учебники и сам прибил на стене расписание занятий, громко прочитал молитвы на сон грядущий, лег и заснул, как убитый.

А Гриша стоял у раскрытого окна. Звезды ярко горели на безлунном небе. Скоро десять часов — Саша ждет.

"Не пойду", — решил Гриша. Что-то прощуршало в кустах сирени — он встрепенулся. "Пойду".

Он вышел на главную дорожку. Густые липы скрывали его. Песок хрустел, да поскрипывали сапоги.

Из липовой аллеи он свернул по знакомой тропинке к пруду, над которым стлалась полупрозрачная пелена тумана. На том берегу чернелась баня. Гриша обогнул берег.

Ночная прохлада освежила его голову. Он сознавал, что будет не прав, если случится то, чего он так боялся и чего не в силах был отстранить.

"Я не в состоянии буду властвовать над другими", — говорил он себе и все-таки шел вперед, постепенно охватываемый новым приливом сладостного трепета.

Послышался шум шагов, сопровождаемый мерным шелестом платья. Саша приближалась к бане с другого конца.

Гриша остановился, последний раз стараясь преодолеть себя. Но так хорошо пахли цветы, так заманчива была таинственная обстановка свидания и столько счастья обеща-

ло оно — счастья, которого еще не дала ему жизнь! Он забыл все, что говорила ему совесть...

Он видел, как Саша осторожно приникла к крошечному окну бревенчатой избы, и сквозь мрак до него донесся ее прерывистый шепот:

— Гриша!

Потом она с слабым стоном отшатнулась и побежала по тропинке вниз. Гриша схватил ее за руки.

— Гриша, голубчик! — вся дрожа и трепеща, начала Саша, оглядываясь и прижимаясь грудью к молодому человеку. — Бабушка опять... Сидит и прядет... Гриша, она страшно посмотрела!

Саша залилась слезами. Грише сообщился ее испуг.

— Не надо было этого, — сказал он, когда они пришли в липовую аллею. — Перестаньте же!

Но Саша не могла удержаться рыдания. Она положила на плечо Гриши свою голову.

— Видите, как вы страдаете! Бог знает, что примерещилось! Расстроенное воображение.

Волновались, и вам было стыдно, не правда ли? Если бы ничто не говорило в вашем сердце против вас — разве вы так испугались бы какого-то несуществующего призрака? Ах, Саша, подумайте, мы вместе хотели обмануть Ардальона Петровича! Между нами была бы тяжелая тайна, а вы стояли бы пред аналоем, и я держал бы венец над Ардальоном Петровичем! Нечестно... даже более!

— Ужасно! — прошептала Саша. — Только одну минутку я хотела быть счастлива по-своему! Не вы ли толковали про свободу?

Слезы Саши служили ясным доказательством ее слабости и неспособности пользоваться свободой. Гриша сказал:

— Только сильные душой могут быть свободны.

— А вы?

— Я свободен, мое поведение доказывает. По вашим словам, я забыл свой пол. Но вы напрасно оскорбили меня. Если такая плакса, как вы, отдаст свое сердце, на ней надо жениться, а я не могу жениться. Я несовершеннолетний, и у вас есть жених — мой приятель. Поверьте, только настоящий мужчина

может сказать вам то, что я сейчас сказал.

Идя на свидание, Гриша не готовился к такой проповеди.

— Прогоняете меня? — спросила Саша, перестав плакать. — Уйти?

"Пусть останется... хоть на несколько мгновений", — подумал Гриша. Сердце его сжалось от неопределенной тоски. Но гордое чувство человека, победившего себя, и титул мужчины, торжественно им принятый, заставили его быть недоступным жалости.

— Уйдите, разумеется, — произнес он. — Кроме страдания и раскаяния, наша встреча вам ничего не принесет. Я провожу вас, а то вы еще поднимете крик.

Он довел ее до крылечка, выходящего в сад. Она рванулась, обняла Гришу, поцеловала... и через минуту он был один.

Х

Молодой человек поздно проснулся на другой день. Солнце бросало лучи в его спаленку, и в окно, которое он забыл запереть, врывался из сада птичий гам. Какой-то длинный и вычурный сон привиделся Грише. Под конец грезы стали реальнее, и ему снилась Ганичка, которая будто бы все знает и грозит из-за портьеры пальцем. Он стал оправдываться и лгать. Но вдруг Ардальон Петрович схватил его за плечо и закричал:

— Да ну, полно вздор молоть! Я ничего подобного не встречал даже у Канта![7]

Гриша открыл глаза. В самом деле, он увидел Селезнева, который наклонился и тормозил его.

— Слава богу! Очнулся!

Он обнял Гришу.

— Глупое письмо вы написали мне, голубчик! — продолжал он, садясь на кровать. — Я не знал, что ответить. Горячая голова! Мне Прасковья Ефимовна уже рассказала, как вы вчера чуть не поссорились с Иваном Матвеевичем. Bravo, интеллигенция! Наша всегда

возьмет! Как бы не так, я ни за что не отпущу вас из Яров! Помощь нужна... Со стариком придется еще крупно потолковать насчет приданого, — пояснил он, понизив голос. — А все прочее пустяки в сравнении с вечностью и с соленым огурцом. Одевайтесь, пойдем завтракать и водку пить.

Ардальон Петрович присутствовал при туалете Гриши.

— Что? Понравилась Саша? — спросил он с торжеством.

Гриша похвалил его невесту.

— То-то! Всякого с ума сведет! Скажи откровенно, будь другом, — начал он, переходя на "ты", вероятно, в том предположении, что только при полной дружбе возможна такая откровенность, — сильно ухаживал? Довольно, молчи — знаю! По части юбок — простак!

Гриша светло и прямо посмотрел Ардальону Петровичу в глаза.

— Я бы сам женился на ней, если б был старше и не дал себе слова — никогда не жениться.

Ардальон Петрович рассмеялся:

— Тебя на Ганичке женим. Хочешь? Трид-

цать тысяч, брат, за Ганичкой.

Он взял под руку Гришу.

— А что же Саша говорила обо мне?

— Ничего.

— А не говорила она тебе, что уважает меня?

— Говорила, — произнес Гриша, потупляясь.

— Да, да... Ребенок! Лань! Все, брат, со временем! Однако водка простынет. Вперед!

В столовой семья была в сборе. Иван Матвеевич любезно поздоровался с Гришей — любезнее, чем прежде.

— Садитесь, садитесь! Кулебяка ждет!

Ардальон Петрович налил рюмки водкой и стал чокаться.

— Александра Ивановна, пригубьте! — сказал он.

Гриша поднял глаза на Сашу. Она была страшно бледна, и на лице ее застыло то выражение, которое называют каменным. Она отказалась пригубить, но Ардальон Петрович не отставал.

— Не хотите губками, помешайте пальчиком. Маленьким пальчиком.

— Что же не хочешь уважить Ардальона Петровича? — проговорила Прасковья Ефимовна.

Селезнев все стоял с протянутой рюмкой.

— Давайте я помешаю, — сказал Иван Матвеевич.

— Нет, позвольте, Иван Матвеевич, — любезно и шутливо возразил Селезнев, — право предоставлено только Александре Ивановне. Настоятельно прошу ее воспользоваться правом. Александра Ивановна!

"Смертельно глуп", — подумал Гриша и не мог оторвать глаз от Саши.

— Чего ломаешься? — крикнул Подкова на Сашу.

Саша погрузила в рюмку палец.

После завтрака она пошла с Ганичкой купаться. Гриша заперся с Колькой и целый час толковал об именованных числах. Ардальон Петрович целовал ручки у Прасковьи Ефимовны и вился около Ивана Матвеевича, желая узнать, когда будет дано приданое, — пред венцом или после. Подкова делал вид, что не понимает, на что намекает его будущий зять.

— Скажу вам, Ардальон Петрович, мне прежде всего нужно, чтобы муж любил Сашу, как я люблю свою Прасковью Ефимовну.

Ничего не добившись от Ивана Матвеевича, Селезнев надел клетчатый пиджак, надушился и стал ходить по липовой аллее, где должен был встретить Сашу. Он с нетерпением оборачивался и приготовлял остроумные и любезные фразы, сознавая, что одет он по последней моде, что он интеллигентный человек, что ему можно позавидовать. Он ухитрялся даже смотреть на себя как-то со стороны: Ардальон Петрович любит Ардальон Петровичем и желает ему счастья, богатства, глубокого просвещения...

Он услышал вдали плач. Кто? Ганичка? О чем она плачет? Плач сопровождался жалобными возгласами, смысла которых не мог понять Ардальон Петрович. Но он поспешил в ту сторону и увидел недалеко от пруда полураздетую девочку, которая в отчаянии ломала руки.

Платье Саши лежало на траве вместе с ботинками и зонтиком.

— Утонула? — почти шутливо спросил Ар-

дальон Петрович, а между тем губы его дрожали, он побледнел, и страшная мысль уже овладела его умом. — Да нет, не может быть! Давно?

— Давно. Я думала, ныряет... Боже мой, боже мой! — стала вопить Ганичка и в изнеможении опустилась на землю.

— Иван Матвеевич! Люди! Все! — неистово закричал Селезнев и то сбрасывал с себя пиджак, то опять надевал и застегивал его на все пуговицы.

Услышал садовник, прибежал, серьезно выслушал Ганичку, быстро разделся, осенил себя крестом и нырнул. Голова его несколько раз показывалась на поверхности пруда. Отдохнув, он снова нырял. Наконец он крикнул:

— поймал!

Он выплыл на поверхность, держа за волосы утопленницу.

Быстро распространилась печальная весть. Рыдая, прибежала Прасковья Ефимовна, пришел Подкова и заплакал, как ребенок. Гриша верхом на лошади поскакал за доктором. Целый день откачивали Сашу, но к жизни не вернули.

Вечером Саша, убранная в белое подвенечное платье и в цветы, лежала на столе во всей своей смертной красоте. Уста ее сомкнулись навеки, длинные ресницы опустились, чтоб уж не подниматься.

Гриша стоял поодаль.

После похорон он тотчас же уехал домой.

[8]

Примечания

Льюис Джордж Генри (1817–1878) — английский литературный критик и философ, автор "Истории философии в биографиях" (русский перевод 1865 г. — "История философии от начала ее в Греции до настоящего времени").

[^^^]

2

лобная кость, сосцевидный отросток (лат.).

[^^^]

3

Кок Анри де (1821–1892) — французский писатель, автор бульварных романов.

[^^^]

4

Базаров — герой романа И. С. Тургенева "Отцы и дети" (1862).

[^^^]

5

Лозунгом, великими принципами французской буржуазной революции 1789–1794 гг. были "свобода, равенство, братство".

[^^^]

6

Книга "Положение рабочего класса в России" (1869) принадлежала перу русского экономиста и социолога Н. Флоренского (псевдоним Берви Василия Васильевича, 1829–1918). Эту книгу высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс, ее использовал в своих трудах В. И. Ленин.

[^^^]

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ.

[^^^]

Рассказ впервые опубликован в журнале "Русское обозрение" (1890, № 2). Печатается по изданию: И. Ясинский. Осенние листы. Новые рассказы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1893

[^^^]